

К 200-летию А.С. Пушкина

... Пушкин – истинно наш народный поэт, но и не было поэта с такой всемирной отзывчивостью, как Пушкин...

Ф.М. Достоевский

УДК 882.09

Ч.А. Замостик

Личность и творчество А.С. Пушкина в восприятии Андрея Платонова

Мало сказать, что Платонов просто любил Пушкина – обычной любовью всякого русского человека, благодарного почитателя творчества великого поэта. Для Платонова Пушкин всегда был подлинным источником вдохновения.

М. Платонова

"Прошло сто лет со времени кончины Пушкина. "Младая жизнь", которую Пушкин доверчиво оставил у своего "гробового входа", не обманула его, и Пушкин в ней "весь не умер", он вошел навсегда, на долгое протяжение истории в священное и простое сокровище нашей земли, наравне со светом солнца, наравне с полем и лесом, наравне с любовью и русским народом" [1].

Такими словами в 1937 г. в июньском, шестом, номере журнала "Литературный критик" откликнулся Андрей Платонов на 100-летие со дня гибели великого русского поэта. А в 1936 г. не стало близкого друга и учителя Платонова – Максима Горького. Эти два имени Платонов соединил в названии статьи "Пушкин и Горький".

В первом номере того же журнала за 1937 г. была опубликована еще одна статья Платонова "Пушкин – наш товарищ", где писатель "сблизил в своей единственной парадоксальной манере творческий труд Пушкина и стахановцев, в связи со стихотворением "Андрей Шенье" осудил на равных самодер-

* Методологический аспект

жавие и "народный" массовый террор (а что такое сталинизм, как не единство самодержавия и "народного" террора)" [2]. Кроме того, пушкиниана Андрея Платонова включает в себя и одно его художественное произведение, пьесу "Пушкин в лицее". Задумана она была тоже в тридцатые годы. Об этом свидетельствует хранящийся в архиве писателя договор с Центральным детским театром на ее постановку. Однако в связи с резкой очернительной кампанией и травлей Платонова в 1939-1940 гг. пьеса не была написана. Не была издана по той же причине и книга критических статей Платонова "Размышления читателя". Однако Платонов замысел свой сумел осуществить. И в 1950 г., незадолго до своей кончины, он написал пьесу "Пушкин в лицее". Она впервые была опубликована к 175-летию А.С. Пушкина в 1974 г. в журнале "Наш современник". Дважды уже была издана и книга "Размышления читателя" (в 1970 и 1980 гг.).

Критика Платонова уже изучена и в литературоведении. В 1994 г. в Санкт-Петербурге издана книга В. Перхина "Литературная критика Андрея Платонова". Среди ученых, исследовавших своеобразие Платонова-критика, широко известны статьи Л. Шубина, В. Васильева. В них обстоятельно представлено участие Андрея Платонова в живом литературном процессе 20-30-х годов, его читательские отклики на произведения Н. Островского, А. Грина, В. Маяковского, 100-летие со дня гибели М.Ю. Лермонтова. Однако специального анализа пушкинских статей Андрея Платонова в литературоведении нет. Необходимость более внимательного их прочтения диктуется еще и тем, что они не устарели и имеют живое значение и до сегодняшнего дня, особенно в год 200-летия А.С. Пушкина. Ведь уже общепризнанно всеми, писавшими по этому поводу, что "взгляд Андрея Платонова на Пушкина не только опережал пушкиноведение 30-х годов, но Платонов как читатель Пушкина является новатором и по сей день" [3].

Критика А. Платонова менее всего литературная. Его статьи о Пушкине – это философия творчества, это его собственная эстетика, реализованная в анализе конкретных произведений другого художника. "В самой литературе Платонов ценит не "литературный ряд", а верность внутренней "логике", правде жизни. Что подчеркивает неоднократно. Он ждет от искусства демократизма без упрощений, простоты без вульгаризации жизни и слова" [4].

Первое и основное методологическое значение пушкинских статей Платонова состоит прежде всего в том, что он вступил в борьбу с вульгаризацией "жизни и слова" поэта. Так, и в 30-е гг., и еще долго после Великой Отечественной войны Пушкин 1820-1825 гг. воспринимался и в общественном сознании, и в науке, а кое-где воспринимается еще и сейчас, как выразитель революционных декабристских идей. Так прочитывалась и до сих пор прочитывается повесть "Капитанская дочка", где идеи революции Пушкин, дескать, уже обрел в народной толще, в самозванце Пугачеве. Внимательный, очень пристрастный и субъективный читатель, субъективность которого есть "субъективность гениального художника" [5], Андрей Платонов, не владея архивными и историческими источниками, руководствуясь только читательской интуицией, позволил себе усомниться в таком подходе науки к проблемам "Пушкин и декабристы", "Пушкин и Пугачев". И эти его выводы еще не реализованы в практике литературоведческого анализа до сих пор. Известно, что Пушкин в очень осторожной, иногда даже двусмысленной форме выразил свое сочувствие пугачевскому народному движению, хотя и не нашел в нем и не мог найти то, чего искал. И в этом "потустороннем" мире еще не было полной истины, отношение Пушкина к Пугачеву в какой-то степени напоминает его отношение к декабристам. Правда, доказать это трудно. (...) – Если снять эти коэффициенты на "удаленность", на социальную "потусторонность" Пуга-

чева и на "приближенность" декабристов – величины хоть и реальные, но для нашей мысли несущественные, – то останется уважение Пушкина к обоим освободительным движениям и грустное разочарование в них, причем в деле с декабристами поэт как бы заранее предчувствовал неудачу. Он видел точнее декабристов" [1] – утверждал А.П. Платонов.

Определяя близость Пушкина своей революционной эпохе словами "Пушкин – наш товарищ", Платонов нисколько не умаляет конфликта поэта с Николаем и с русским самодержавием в его лице. Но он противник упрощений, догматизма, политической прямолинейности в подходе к его поэзии. Платонов позволил себе критически отозваться даже об оценке поэмы "Медный всадник" самим Луначарским (в недавно изданной тогда монографии наркома просвещения о творчестве Пушкина). Цитируя его слова о "Медном всаднике", в которых Петр и Евгений предстают как "конфликт организующей общественности и индивидуалистического анархизма", Платонов пишет: "В поэме просто нет таких двух начал – организующей общественности и индивидуалистического анархизма; здесь и сама терминология не пушкинская и не поэтическая, – это уже публицистика новейшего времени" [1]. Помимо методологического упорства здесь удивительна и достойна восхищения гражданская смелость писателя!

Отринув "публицистику новейшего времени", Платонов возвратил в критический и литературоведческий арсенал 30-х годов вместо открытой и оголтелой классовости, партийности и идейности тот принцип, который был выстрадан и русской литературой, и наукой о ней в течение всего XIX в. – принцип народности. С позиций демократизма Платонов и начал свою первую статью о Пушкине "Народ читает книги бережно и медленно. Будучи тружеником, он знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, чтобы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово" [1].

Именно трудовая творческая натура Пушкина уравнена Платоновым со стахановским движением 30-х годов (хотя парадоксальность такого сопоставления поражала всех литературоведов). Таково единство Пушкина и народа в лице его няни, простой крестьянки Арины Родионовны. Платонов пишет "Няня-мать рассказывала сказки, а Пушкин сказки сам писал. Они и по "профессии" были товарищами – оба поэты" [1].

Таким образом, мы видим, что Платонов хотя и возвращает критику 30-х гг. в лоно традиций XIX в., но понимает народность иначе, чем А. Григорьев, с одной стороны, и Н. Добролюбов, с другой. Он избегает крайностей и славянофильства, и революционно-демократического направления потому, что в своем народе более всего чтит то, что называется сейчас у нас "общечеловеческими ценностями". Платонов ждет от литературы "любви ко всему живому, духовной полноты, будучи в этом смысле "экстремистом" и пуританином; одна из его "навязчивых" мыслей (что видно и по этому небольшому сборнику) состоит в том, что даже наша большая классика после Пушкина не во всем отвечает этому принципу света жизни, любви и гармонической полноты бытия" [4].

Пушкин велик для Платонова тем, что он – выразитель скорби всего и всякого люда, терпящего страдания на земле русской (В этом плане стремление В. Васильева увидеть в Пушкине и Платонове лишь выразителей крестьянской идеологии кажется нам сужающим подлинное величие обоих писателей в равной мере).

Платонов писал: "Как человек действительности Пушкин понимал, что народ (в широком смысле от Татьяны Лариной до цыган и нищих, поющих в ограде Святогорского монастыря) – народ живет особой, самостоятельной жизнью, связанный с "высшими" кругами, со "светом" лишь целью своей неволи.

Народ обладает своими, скрытыми, "секретными" средствами для питания собственной души и для спасения жизни от истребления "высшими" людьми. (...) В народе своя политика, своя поэзия, свое утешение и свое большое горе. (...) Пушкин не только понимал это обстоятельство, он сам жил, не отводя ума и сердца от действительности, сама натура его была лишь наиболее экономным и энергичным выражением души нашего народа" [1].

Испытав на собственной судьбе участь пророка и цену слова правды в искусстве, Платонов обостренным зрением трагического художника воспринимает как глубоко личную драму жизнь отделенного от него целым столетием (Платонов родился ровно через сто лет после Пушкина, в 1899 г.) русского гения. "Он, Пушкин, явился ведь не от избытка сил народа, а от его нужды, из крайней необходимости, почти как самозащита или как жертва" [1].

С позиций такого своеобразного понимания народности и демократизма искусства Платонов подходит к оценке и личности А.С. Пушкина как поэта, его роли в русской литературе, и к оценке конкретных его созданий. Этот факт обусловил то, что читательские наблюдения Платонова оказались предельно адекватны пафосу самого А.С. Пушкина: на его мнение о Евгении Онегине, Татьяне Лариной, Петре и Евгении, Тазите ученые ссылаются и до сих пор как на авторитетнейшие суждения в научных дискуссиях [6].

Методологическое новаторство Платонова-критика от 30-х годов и до современности состоит еще и в том, что с высоты XX века Платонов очень точно уловил историческую расстановку сил в России XIX века. Он находил подтверждение своих взглядов на институт монархии, на роль дворянства, на роль крестьянской вольницы – в творчестве Пушкина. В интерпретации Платонова конфликт "Пушкин – Николай" не исчерпывается конфликтом "поэт и царь". Он значительно глубже. "И самый враг, "свирепый зверь" Пушкина – едкое самодержавие Николая, имевшее поэта постоянно на прицеле, – вызывал у Пушкина не один лишь гнев или отчаяние. Нет, пожалуй, еще больше он смеялся над своим врагом, удивлялся его безумию, потешался над его усилиями *затомить народную жизнь или устроить ее впустую, безрезультатно, без исторического итога и эффекта*". И далее, "Зверство всегда имеет элемент комического, но иногда бывает, что зверскую атакующую, регрессивную силу нельзя победить враз и в лоб, как нельзя победить землетрясение, если просто не переждать его" (выделено нами – Ч.З., [1]). О каком времени это сказано? О пушкинском, платоновском или нашем, сегодняшнем? А может, и о будущем?

С позиций народности литературы, как защиты и надежды народа, А. Платонов увидел трагедию Евгения в "Медном всаднике", "Петр для Пушкина был направлением в обширный, деятельный мир, где, однако, тоже нельзя существовать без Тазита и Евгения, чтобы не получилась одна "бронза", чтобы Адмиралтейская игла не превратилась в подсвечник у гроба умершей (или погубленной) поэтической человеческой души" [1]. С печалью и жадностью Пушкин осматривался в окружающем его мире, ища те силы, которые зажгли бы "солнце святое" и потушили бы свечи. Пушкин не верил в историческую силу дворянства. В этом Платонов видит драматизм судьбы Евгения Онегина, человека, которому "в истории, в большой жизни будто стало нечего делать"[1] и он равнодушно растрчивает жизнь в почти недействующих на него удовольствиях. Таким образом, "лишний человек" в русской литературе в понимании Платонова тоже наполняется новым смыслом, недоступным ни В. Белинскому, с одной стороны, ни Ф. Достоевскому – с другой. "Онегин не был отрицательным, как теперь говорят, типом. Он был всего лишь несчастным человеком, но причины своего бедствия не понимал и даже не заботился о

таком понимании" [1]. Лишенный исторической жизни человек, Онегин, так понятый Платоновым, это едва ли не самый типический образ молодого поколения наших нынешних безыдейных времен.

Не оставил в стороне А. Платонов от своего обличительного, прозорливого и гневного слова и еще одну историческую силу России, вышедшую на историческую арену тоже в наши дни. Платонов, на материале творчества Пушкина (и особенно продолжателей его традиций Щедрина, Гоголя, Чехова) клеймит "ублюдочную", "промежуточную" русскую буржуазию, которая еще только нарождалась и "по коммерчески вживалась в Россию" [1].

Таким образом, оценивая движение русской литературы и связи с историческим путем народа, Платонов уверенно сопоставляет Пушкина с самым народным, по его мнению, русским писателем XX века – Максимом Горьким. Он видит их родство, преемственность в доверии к единственно подлинному, единственно живому и нравственному трудящемуся человеку. Оба они владели тайной. "Тайна эта заключается в том, что бедному человеку – крепостному рабу, городскому простолыдину, мелкому служащему человеку, обездоленной женщине – нельзя жить на свете: и голодно, и болезненно, и безнадежно, и уныло, но люди живут, обреченные не сдаются (...). Общественное угнетение и личная часто смертоносная судьба заставляют людей искать и находить выход из их губительного положения" [1]. Только Пушкину и Горькому был дарован такой эпический, гармонический взгляд на жизнь народную, а находящиеся между ними писатели продолжали своим творчеством лишь одну какую-то сторону личности и творчества Пушкина. Вот почему "Платонов считал, что Горький принял эстафету "мудрой и мужественной человечности" непосредственно от Пушкина, минуя опыт литературы XIX и XX веков" [3].

Часто Андрей Платонович, по воспоминаниям М. Платоновой, "говорил, что Пушкин – поэт мирового значения, благодаря своей неотрывности от народа, что поэзия его оказывала и оказывает теперь влияние на ход развития исторического процесса мышления" [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Платонов А.П.** Пушкин и Горький // **А. Платонов.** Величие простых сердец. М., 1976. С.292; 286; 280; 277; 309; 295-296; 279; 285; 279; 287; 298; 292.
2. **Кормилов С.И.** А.Платонов как критик // Вестник Московского университета, 1996, серия 9. Филология, №4. С.193.
3. **Шубин Л.** Критическая проза Андрея Платонова // **А. Платонов** Размышления читателя, М., 1970. С. 8,13.
4. **Гусев Вл.** Практическая теория Андрея Платонова // **Андрей Платонов.** Мастерская. М., 1977. С. 5.
5. **Андрей Платонов – писатель и философ** // Вопросы философии, 1989, №3. С.14.
6. **Скатов Н.Н.** Русский гений. М., 1987. С.325.
7. **Платонова М.** О пьесе Андрея Платонова "Ученик лицея" // Наш современник, 1974, №6. С. 124.

S U M M A R Y

The article deals with questions and problems concerning the history of Russian literary criticism if 20-30-th, XX-th century. The article expounds the main principles of Andrey Platonov critical issues "Pushkin and Gorky", " Pushkin Is Our Companion", and shows their methodological innovation in the context of social approach to the poet's creative activity.